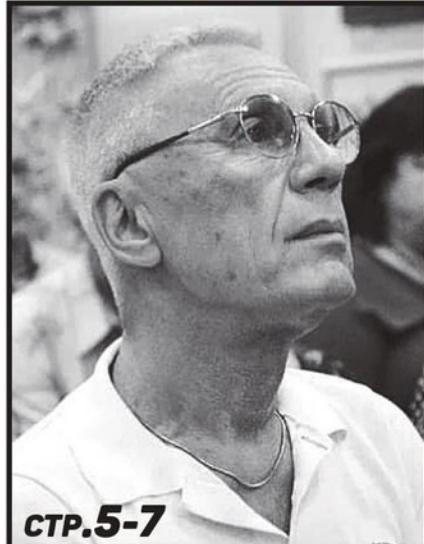

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

БЛАТНЫЕ ПЕСНИ ДЛЯ ЦК КПСС

стр.20

стр.5-7

ОЛЕГ СТАШКЕВИЧ: «ЭТО МОЙ ГОРОД...»

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

Бульварные новости

№36 (169)
СЕНТЯБРЬ 2023

КОРОЛЬ БАЛЕТА

стр.14-17

стр.8-11

ВСЯ НАША ЖИЗНЬ – АБСУРД

ОЛЕГ СТАШКЕВИЧ: «ЭТО МОЙ ГОРОД...»

В историю Одессы Олег Сташкевич войдет прежде всего как человек, давший веселому первоапрельскому празднику звучное название - «Юморина». Его он придумал полвека назад, и за это время никто даже не пытался предложить нечто альтернативное. Лучше, как говорится, не придумаешь. Но не только этим он интересен.

Александр Галиас

Сташкевич - из числа самых первых одесских КВН-щиков; член знаменитой команды «трубочистов». Он был режиссером команды института народного хозяйства, ставшей чемпионом Клуба Весе-

лых и Находчивых сезона 1971-72 гг.; руководил любительскими театрами; некоторые из его постановок памятны до сих пор. Словом, заметная фигура одесской культурной жизни 1970-1980 гг.

Затем, как это часто бывало и до него и после - переезд в Москву, многолетняя работа литературным

секретарем у Михаила Жванецкого. Но, как и его старший друг, Олег немалую часть времени проводил в родном городе. В один из таких его приездов, осенью 2003 года, и состоялась наша беседа.

Прошедшие два десятилетия, мне кажется, не наложили никакого отпечатка на суть разговора.

Окончание на с. 6

Команда Одесского института народного хозяйства. Сташкевич - во втором ряду первый слева

Окончание. Начало на с.5

Ибо он - об Одессе, городе его детства, юности, молодости, о незабываемой любви к родным местам. А еще - о Времени....

- Мы все - родом из детства. Банально, но ведь, правда. И всё же детство у каждого - свое. Какое оно было, детство одесского ребенка, рожденного в конце сороковых годов двадцатого века?

- Первое воспоминание - Соборная площадь. В детстве она была очень большой, она была огромной, там было столько всяких развлечений. Там были цепи возле памятника Воронцову, на которых можно было, правда, опасаясь прищемить задницу, но, тем не менее, раскачиваться. Там был домик садовника - загадочный. Там ходили вокруг трамваи.... Под окнами нашего дома ходил 23-й маршрут, мы его штурмом брали, когда ездили в парк Шевченко, на Ланжерон. Ну и море, солнце, купание....

Двор... Дочка дворника, с которой мы соревновались, кто больше знает нехороших слов - такая была дружба детская...

Смерть Сталина помню, мы стояли на Приморском бульваре, где был наш детский сад. Я знал, что умер Сталин, потому что мои родители были в «номенклатуре» и конечно был крупный траур в семье. Траур заключался в том, что шили траурные розочки, доставали повязки... Розочки - красные с черным - мне очень нравились, я просил, чтобы мне тоже сделали, и мне сделали. Так вот, мы стояли всей группой на бульваре, нам сказали, что будет траурный салют, мы ждали салюта. В нашем понимании салют - это был фейерверк. Мы ждали, ждали, и были очень разочарованы, что не было салюта. Гудели пароходы, но на нас это впечатления не произвело. Так Сталин и умер под наше разочарование детское.

Олег Сташкевич

- Помнишь песню: «Школьные годы - чудесные?» А какими они были у тебя?

- Школа моя первая была в центре города. Домашняя, уютная школа, по-моему, симпатичные учителя. Потом я попал в 47-ю, которая мне жутко не нравилась, я ушел оттуда с криком и скандалом, с единицей по математике. Потом мы переехали на Преображенскую, в новую квартиру, и меня отдали в 118-ю. Вот от нее - главные впечатления о школьном времени. По-настоящему воспитание появилось именно там. Замечательные учителя, замечательная школа, район Привоза, необычные люди.

Учителя, которые учили и Жванецкого... Александр Александрович Большой, которого я встретил не так давно в Германии. Английский язык, который в школе мне был ни к чему, но теперь, когда несколько лет назад пришлоось учить его, чтобы ездить и понимать, вдруг выплыло все то, что Людвиг Юльевич в нас заложил...

Замечательные учителя, каждый из которых был личностью. У Жванецкого, кстати, об этом написано.

- Все говорят, кто в те времена учился, что учителя были яркими личностями. Как им удавалось оставаться такими в столь суровые годы?

- Они были одесситами, они были интеллигентами, многие - фронтовиками. В те времена более свободомыслящие, чем другие, более толерантные. Алла Давыдовна, Роман Исаакович, Роман Давыдович... - то были люди, вышедшие из еврейских одесских семей, нелегко добывавшие культуру и знания, но уже получившие одесско-еврейскую культуру еще в детстве. Плюс огромный опыт житейский. Вот это и составляло одесского интеллигента - человека больше понимавшего, более широко смотревшего на мир с прищуром легким. Это все - из Одессы.

- Когда началось твое увлечение театром?

- Девятый - одиннадцатый классы, самодеятельный коллектив, безумно смешно играли, очень большой популярностью пользовались. Мы все сами ставили - не было режиссера. На чеховском «Юбилее» вся школа смеялась. Особенно, когда мы с партнершей - огромной девчонкой - на сцене падали в обморок на диван, и вдруг диванная спинка подломилась и мы вверх ногами полетели. Хотел был, мы на поклон не могли выйти, сами хотели до коликов. Вот первые театральные впечатления и ощущение успеха. Я уже тогда почувствовал, что владею залом.

- Только ли это тянуло к театру?

- Во-первых, не было телевидения, оно появилось позже.

Во-вторых, были замечательные гастроли, они насыщали Одессу и «поднимали планку». Не все спектакли нравились, но были спектакли-события.

Вот я помню школьное впечатление. В Русском театре пьеса «104 страницы про любовь», играл Зайденберг. Десятый класс, девочка, которую я любил, и фантастическое ощущение - сидеть с ней рядом, касаться пальчиком... Весь в трепете просидел спектакль, пьеса произвела неизгладимое впечатление.

В Музкомедию ходили как на праздник. Там был Водяной, хотя мне тогда больше нравился Крупник, он был «свежее». Сейчас понимаю, что тогда был не во всем прав. Дынов, которого все любили. Нам передавалось в детстве, что вот это - кумир. Играет Дынов в спектакле - это первый состав, а второй состав не любили.

Но самое первое театральное мое впечатление - опера «Дубровский» - было трагическим. Я был совсем маленький, родители взяли меня на спектакль, и я до сих пор помню огромного дядьку в красном халате с пистолетом в руках. Когда он грохнул из этого пистолета, я разревелся, и родители вывели меня из театра...

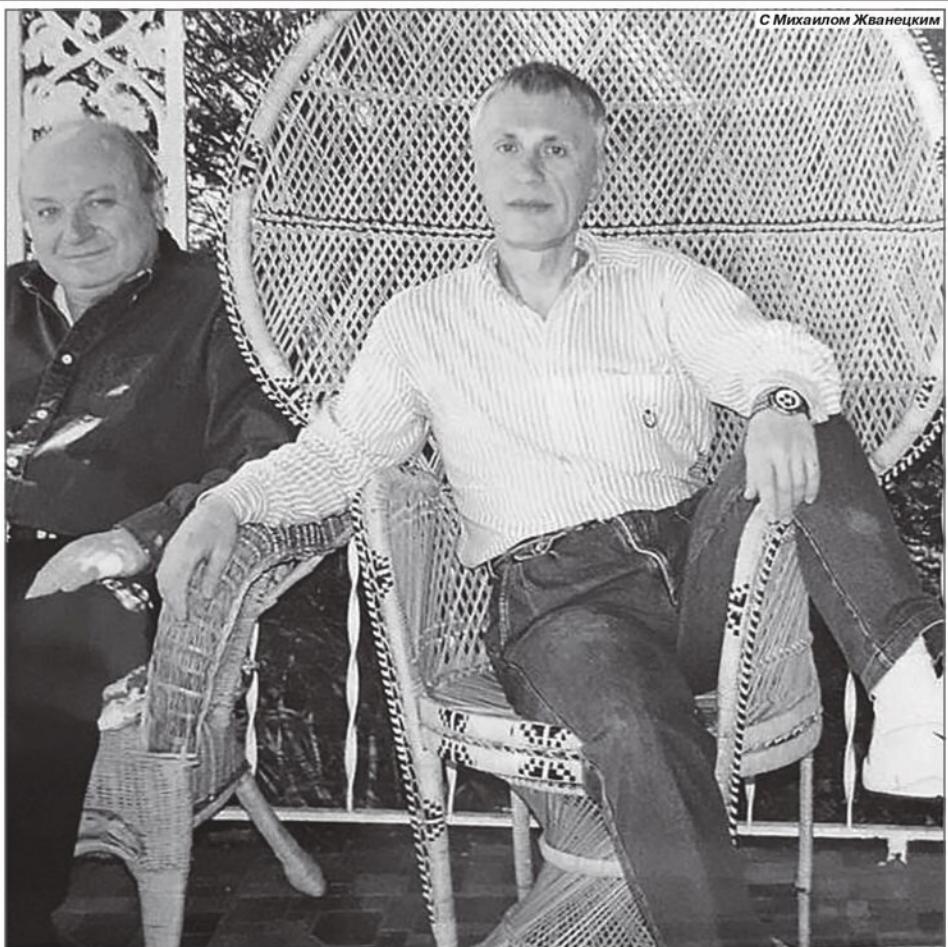
А потом я уже не мог без самодеятельности. Тем более, был опыт общения в замечательном клубе неформальном, куда я попал в 14 лет. Во Дворце студентов вокруг библиотеки, вокруг книжек, собирались стайки молодежи - Саша Южный, Боря Херсонский, Алик Бейдерман, Люсик Заславский, Женя Гимельфарб... Мы вечерами приходили в эту библиотеку, закрывались, книжки читали, обменивались ими. Кто-то стихи читал свои, чужие...

В институте технологическом имени Ломоносова я пошел в самодеятельность за Валей Крапивой, он был моим учителем. С Валей и другими ребятами мы делали композиции. А потом появился КВН.

- Чем был КВН для Одессы?:

- Это был выход. Эта Одесса, настоящая Одесса - со своей свободой, остротой и острословием - появилась на всесоюзном экране. Это был момент самоидентификации города в масштабах всей страны. Это было очень «звездно». Появление своего лица на экране делало тебя на какое-то время знаменитым. Друзья, знакомые, знакомые друзья, соседи все говорили: «Мы тебя видели по телевизору!» Это было признание.

Да, нам резали тексты, мы боролись за шутки, мы старались ввернуть что-нибудь острое. Мы пытались что-то продвинуть, что-то сказать, что-то осмысливать. Мы что-то понимали. Если мы до конца не были диссидентами, но, тем не менее, «самиздат» мы читали. И, конечно, мы хотели ущипнуть, конечно же, мы хотели укусить, спрятать двусмысленность. И поспать, и высмеять, но обязательно

С Михаилом Жванецким

Последний юбилей Олега Сташкевича, ноябрь 2022 г.

по социально-политической части. Это было верхом совершенства, если с экрана звучала острота.

- Тянет в Одессу?

- Это мой город, это, безусловно, мой город, я себя здесь чувствую хорошо. Я себя здесь ощущаю иначе. Хотя здесь очень мало осталось друзей, но все равно есть какие-то друзья, и знакомые, и приятели. Здесь Жванецкий, а это моя жизнь, и я внутри его жизни, а она здесь в значительной мере. Здесь Клуб одесситов, здесь актеры, с которыми я работал. Здесь знакомые лица.

Здесь - камни, воздух, настроение, ритм. Я думаю, мы родились и выросли под ритм моря, и это ощущение уже в крови, на клеточном уровне. Нет таких городов, нет такой вкусной еды ни в одной точке мира, в самом роскошном ресторане мира так вкусно не поешь. В Одессе есть лучшие черты провинции - уют, теплота, улицы и кварталы соразмерны душе человеческой. Здесь можно ходить пешком, чего в Москве не сделашь. И в то же время здесь огромные слои культуры. Может быть, не всегда уже в людях, но в памяти, в книгах, воспоминаниях, камнях, зданиях. Хорошо мне здесь - и все, что я могу сделать!?

Как-то мы встречали Новый Год, и вдруг ночью повалил снег, и мы ходили пешком по этому снегу в замечательной компании, и было весело, и тепло, и по-человечески...

P.S. Рассказ Олега Сташкевича я, как говорится, «снял с диктофона», почти ничего не редактируя. Тут - его голос, его манера, его интонации. Сейчас, когда Олега не стало, это уже Память...